

Т. А. Михайлова
(МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ 2 SG. В ИРЛАНДСКОЙ МАРГИНАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ¹

Копия Грамматики Присциана с обильными латинскими и ирландскими глоссами, датируемая IX в. и составленная, предположительно, в Ирландии, считается одной из наиболее ранних дошедших до нас ирландских рукописей. Кроме глосс, она содержит три маргинальных стихотворения: в нижнем поле листов 203–4, стихотворение о пении дрозда; в верхнем поле листа 112, стихи о ветре и прибытии кораблей викингов; в верхнем поле листа 229, стихи о тяжелой жизни в монастыре. В последнем содержится одно из редких для монастырской лирики употреблений форм второго лица и поэтому сложное для интерпретации. Традиционно стихотворение описывается как отражающее сетования анонимного автора-монаха на тяготы аскетического существования, однако высказывались и другие мнения: адресатом стиха является Иоанн Креститель, и текст связан с днем его памяти 24 июня. Дискуссия побудила автора статьи обратиться к другим редким употреблениям 2-го лица в маргинальной лирике и задаться более общим вопросом: мог ли в кругу клира ранне-средневековой Ирландии развиваться уровень поэтической автоинтроспекции, допускающий замены 1 sg — 2 sg., а также — использование генерализующего 2 sg. (= 1 pl.)? Или в стихотворении еще должна присутствовать псевдо-адресация к легендарному или историческому персонажу? В работе проводятся сопоставления с образцами латинской лирики, а также — русской, что проблемы не проясняет, но позволяет ее точнее сформулировать.

Ключевые слова: историческая поэтика, поэтическая грамматика, ирландская монастырская лирика, местоимения, авторство, рукописная традиция.

Tatyana A. Mikhailova
(Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS)

The use of 2 Sg. in Irish marginal lyrics: an interpretation

A copy of Priscians's *Institutiones grammaticae* from St. Gall monastery (Codex Sangallensis 904) is one of the best known manuscripts produced by Irish scribes. Along with copious glosses to the Latin original text, the manuscript contains three Irish marginal poems: fol. 203–204, bottom margin, a poem describes singing of a blackbird; fol. 112, upper margin, a poem on a windy night and arrival of Viking's ships; fol. 229, upper margin, a poem on the ascetic life in monastery. The author of this

---

¹ Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 18-012-00131а.

poem uses 2 Sg. form of the verb (*Gaib do chuil isin charcair...* — Take thy corner in the prison/cell...), that is really rare for monastic poetry in general. Traditionally supposed to be a production of auto-reflections of an anonymous monk (2 sg. = 1 sg.), this poem could refer to the austerities and imprisonment of John the Baptist and, consequently, should be taken as a commemoration of his feast day, June 24. So, 2 sg. represents not a reflective use but has connections with a historical event and has a legendary addressee (2 sg. = 2 sg.). The article deals with other examples of the use of 2 sg. in Early Irish poetry, having also a double ‘message’: to an imaginary addressee (2 sg. = 2 sg.) and to unknown auditorium (so, 2 sg. = 1 pl. and/or 2 pl.). Comparisons with Russian and Latin poetry using 2 sg. are also done.

Key words: Historical poetics, poetic grammar, Irish monastic lyrics, pronouns, authorship, manuscript tradition.

*Никому не нужна ты
В этой жизни проклятой.
Аделаида Герцык, 1922.*

Образцы древнеирландской монастырской лирики в дошедших до нас рукописных источниках могут быть условно разделены на четыре типа фиксаций. Первый и второй — принципиально вторичны, третий — также, предположительно, окказионально вторичен, и лишь последний может быть назван отражающим первичную фиксацию стиха, совпадающую с моментом его сочинения.

К источникам первого типа относятся поздние (XV–XVII веков) рукописные сборники, восходящие к более ранним, но также — относительно поздним коллекциям, в которых представлены образцы лирики, которая условно может быть названа монастырской (по своему стилю), написанные в более ранний период (по данным языка). Сведения о форме бытования текста и особенностях его первой фиксации — утрачены.

К источникам второго типа относятся бардические трактаты XIV–XVI вв., в которых образцы лирики даются в качестве иллюстрации метрики или поэтического приема. Можно предположить, что цитируемые фрагменты функционировали в устном виде, либо — были взяты из не дошедших до нас источников. Особенности возникновения текста также утрачены. Сюда же можно отнести цитирование образцов лирики в текстах *Анналов* и *Законов*, а также в поздней агиографической традиции; в ряде случаев поэма обретает псевдо-автора (иногда им может быть и реальный автор, проблема заслуживает специального анализа).

К источникам третьего типа относятся цитирования поэтических фрагментов в корпусе интерлинейрных глосс, как с

указанием (псевдо-)автора, так и без этого. Как правило, процитированный текст призван проиллюстрировать употребление темной, малоупотребительной лексемы (см., например, об этом Russell 2014).

К источникам четвертого типа относятся маргиналии на верхнем или нижнем поле листа, которые, судя по почерку, могли быть написаны либо явно позднее, то есть — другим писцом, либо (предположительно) — тем же писцом, которому принадлежит основной текст. Условно данные записи могут быть названы «фиксацией первого уровня». И только в этом случае можно с осторожностью говорить о предполагаемом авторстве. Хотя, естественно, и здесь может иметь место цитирование, однако — цитирование, связанное с «настроением» переписчика или того, кто работал с рукописью. Как правило, в стихах данного типа используется 1 sg., что и позволяет отнести их к лирике. В отличие от интерлинейных глосс, текст стихотворения обычно не связан собственно с рукописью. Так, например, известное стихотворение о коте (датируется IX в.) написано на нижнем поле астрономического трактата в собрании, известном как «Кодекс св. Павла», составленном в Каринтии (St. Pauli Cod. 86b/1 fol 1 v). Текст занимает значительную часть листа и был написан той же рукой, что позволяет предположить и авторство писца.

Отправной точкой для моего исследования послужила дискуссия вокруг стихотворения — *Dom-fharcai fidbaide fál* — ‘Меня окружает деревьев стена’ (издание с английским прозаическим переводом — см. Murphy 1956: 4, см. также классическое издание — Stokes and Strachan 1903: 290). Стихотворение датируется IX в. и сохранилось в так наз. Codex Sangallensis 904, на нижних полях листов 203–204. Рукопись содержит текст латинской Грамматики Присциана и снабжена латинскими и ирландскими глоссами, в основном комментирующими текст. Однако кроме того в маргиналиях содержатся три образца лирики, первый из которых и послужил объектом дискуссии, в основном касающейся специфики употребления в нем местоимения 1 sg. Традиционно трактуемое как типичный образец эгоцентрической монастырской лирики (см. Ó Corráin 1989; Melia 1990), оно рассматривалось П. Фордом (Ford 1999) как иллюстрация употребления разных форм инфигированных местоимений 1 sg., непосредственно связанных с текстом Грамматики. В статье Д. Мелиа (Melia 2005) отмечено, что в рукописи присутствуют еще два поэтических текста, которые

никак не связаны с содержанием трактата. Один из них особенно известен. Это строфа *Is acher in gaith in-nocht* — ‘Резок ветер сегодня ночью’, написанная, несомненно, под знаком страха перед нападениями с моря кораблей викингов (лист 112, текст на верхнем поле).

Другое стихотворение написано на верхнем поле листа 229 и его интерпретация далеко не однозначна:

Gaib do chuil insin charcair	Найди себе угол в этом карцере,
ni róis chluinn na colaid	нет ни перины ни ложа,
truag isin amail bachal	печальна участь слуги посоха,
rot gimil ind shrathar dodcaid.	к тебе пришла судьба несчастья.

Как пишет Д. Мелиа, «вместо наслаждения пением птиц и опасений монаха, связанных с набегом викингов, мы видим, как монах жалуется на свою долю, вынуждающую его спать на полу» (Melia 2005: 287). Иными словами, он не сомневается в том, что хотя в первых двух стихах употреблено 1 sg., а в третьем — 2 sg., речь все равно идет об интроспекции, характеризующей монастырскую лирику в целом.

Трактовка 2 sg. = 1 sg. вполне возможна (см. выше эпиграф), причем как в поэтическом тексте, так и в живой речи. Ср. также у Тютчева: *Ты, человеческое Я*, которое «оказывается не субъектом, а адресатом речи, то есть перестает функционировать как местоимение» (Лотман 1996: 556).

Однако, как пишет, анализируя в основном русскую поэзию, И. И. Ковтунова, в стихах Блока часто употребляется 2-е лицо вместо 1-го, причем, как ей кажется, при этом «описание душевного события предстает в совершенной форме, очищенной от эгоцентрической окраски» (Ковтунова 2005: 57). В качестве примера приводится стихотворение «Флоренция»:

Ты береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
 Лишь в легком челноке искусства
 От скуки мира *уплывешь*.

То есть 2 sg. = 2 pl.? Или 2 sg. = 1 pl.?

Но всегда ли замена 1 sg. на 2 sg. является **реальной** заменой «эгоцентрической окраски»? И, что главное, как воспринималось такое употребление 2 sg. аудиторией, на которую ориентировался автор? Характерные для поэзии Серебряного века, подобные замены могли восприниматься иначе в более

ранних текстах, требующих указания на автора = адресата. Приведем в качестве примера два фрагмента из Катулла:

52
 Quid est, Catulle? Quid moraris emori?
 Sella in curuli struma Nonius sedet,
 Per consulatum peierat Vatrinius:
 Quid est, Catulle? Quid moraris emori?

Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?
 Зобатый Нонний восседает в курии;
 Ватиний без стыда клянется консульством;
 Ну что ж? Еще ты медлишь умирать, Катулл?

51. ad Lesbiam
 Otium, Catulle, *tibi* molestum est:
 Otio exsultas nimiumque gestis:
 Otium et reges prius et beatas
 Perdidit urbes.

Праздность, (мой) Катулл для *тебя* зловредна,
 Праздности ты рад, от восторга бредишь;
 Праздность в прошлом много царей и славных
 Градов сгубила.

(пер. С. Шервинского)

Если в Cat. 52, действительно, речь идет о замене Я на Ты с сохранением эгоцентризма, то во втором фрагменте, совершенно очевидно, что даже автообращение не делает стихотворение биографическим. Обращение ко 2-му лицу редко преследует сформулированный В. Н. Топоровым принцип «перволичного аскетизма» (Топоров 1998: 550), но скорее «может дополнительно приобретать обобщительный смысл, так как второе лицо может быть отнесено не только к автору, но и к другим» (Ковтунова 2006: 58). В общем, сказанное — очевидно, причем в лирике, как мы понимаем, обобщающий характер имеет и 1 sg. (*Odi et amo...*). Но все же — различия есть, особенно в архаическом тексте, подчиняющемся канону, но отчасти этот канон и создающем. Кроме того, наверное, следует различать случаи выражения 2 sg. в местоименной форме, что для современных языков европейского типа является частью морфологии, и 2 sg. в качестве формы глагольной, собственно местоимения не содержащей, что было нормой для латыни и древнеирландского.

Образцы лирики, представленные как цитаты в интерлинейных глоссах, возникали, естественно, иначе, но как именно — мы не можем сказать. Их семантическая связь с текстом

может казаться искусственной, но видимо, таковой не представлялась переписчикам, которые для прояснения редкого слова, прибегали к иллюстрации его употребления в другом контексте, часто — поэтическом. Хорошим примером тут могут послужить многочисленные глоссы к элегии «Чудо Колума Килле». Так, например, для уточнения слова *sercoll* ‘ветчина, солонина; вяленые и сушеные фрукты’ приводится строфа, якобы адресованная невесте старого героя Финна, Грайinne, дочери короля Кормака мак Арта:

Is maith do chuit, a Grainne,	Хороша твоя доля, Грайinne,
Is ferr duit inda ríge,	Лучше для тебя, чем царство,
Sercoll na cailech feda.	(...?) худого петуха
La banna meda míne.	С каплей сладкого меда.

(Stokes 1899: 264)

Смысл этого стихотворения до конца не ясен, но не вызывает сомнений его сатирико-эпиграмматический характер. Поэт адресует к легендарному персонажу: Грайinne. В данном случае происходит не просто цитирование, но и отсылка к прецедентному эпизоду. В качестве осторожного и предварительного предположения можно сказать, что для ирландской лирики сама идея анонимности и обобщенности еще была чужда, и стихи, как правило, были кому-то приписаны, причем должны были получить не только автора, но и, как было принято, *locus, tempus, persona et causa scribendi* (то есть то, что я назвала «прецедентностью»).

Так, среди маргинальных строф к «Чуду Колума Килле», можно также отметить лирическую строфу о любви, которая дана, чтобы проиллюстрировать слово *diudercc* ‘долгий взгляд’:

Ocus Grainne cecinit:
 Fil duine
 Fris mad buide lemm diudercc
 Ara tibrind in mbith n-huile
 A maic Muire, cid diubert!
 (Stokes 1899: 156).

Есть человек,
 За долгий взгляд которого я была бы благодарна
 Которому я отдала бы весь мир
 О, сын Марии, какова плата!

Аналогичным образом стихи о приходе зимы (образец «лирики природы») приписываются Финну, также — легендарному персонажу.

То есть, стихи подобного рода существуют в некой своей реальности, отличной не только от реальности переписываемого текста, но и от реальности бытия переписчика.

Д. Мелиа склонен был трактовать все три стихотворения Санктгалленского кодекса как проявления монастырского восприятия мира. Совсем иначе, на первый взгляд, трактуется строфа на листе 229 в работе (Ó Néill 2000). «Эти строки (я уверен) — пишет автор — описывают взятие под стражу и заточение Иоанна Крестителя и связаны с днем его поминовения 24 июня» (Ó Néill 2000: 164). Фигура Иоанна Крестителя оказывается вплетенной не только в общую агиографическую, но и в нарративную мифо-поэтическую ирландскую традицию. Так, как принято считать, усекновение головы Иоанна было совершено ирландским друидом по имени Мог Рут, жившим примерно в сер. III в. н.э., посетившим Иерусалим и ставшим учеником Симона Мага. В «мартирологе» Энгуса содержится рассказ о том, что в день поминовения Иоанна в Ирландию обычно прибывает дракон, который уничтожает посевы и скот в качестве мести за смерть святого. Всем этим, как полагает О'Нейлл, мотивируется один из постов, который принято было держать в монастырской среде. И перепрочтение строфы в данном ракурсе проясняет скрытую в ней метафорику: ее автор одновременно как бы и жалуется на тяготы поста, и описывает пребывание в темнице Иоанна Крестителя, с которым он даже отчасти себя отождествляет.

Древнеирландская монастырская лирика действительно может быть названа эгоцентричной. Это относится и к «лирике природы», в которой окружающий монаха мир воспринимается всегда его глазами (и ушами), и к текстам апотропеического характера, написанных также всегда от 1-го лица и ориентированных в том числе и на псалмическую традицию, в которой 2-е лицо — это, как правило, Бог. Универсальность этих текстов, то есть — возможность их многократного воспроизведения, в ходе которого текст начинает как бы «работать» вновь, подразумевает и многократную мультипликацию субъекта. Все это должно было повлечь за собой

избегание 2 sg., что в основном и происходит². Найденные мной примеры столь редки, что каждый из них заслуживает специального анализа. В дальнейшем кажется перспективным продолжить поиск и расширить круг анализируемого материала, что, как можно надеяться, позволит дать классификацию конструкций. Но некоторые выводы можно сделать уже сейчас.

Кроме уже приведенной выше строфы, были найдены:

На нижнем поле (fol. 23) рукописи, известной по имени первого владельца как «Бернеров кодекс» (Codex Voergerianus, IX в., греческий текст Нового Завета с латинским переводом в виде интерлинейрных глосс):

Téicht doróim	Хождение в Рим
Mór saido becc torbai	Велик труд, мала польза.
In ríchondaigi hifoss	Король, которого там ищешь,
Manimbera latt nífogbái.	Если не возьмешь его с собой, не найдешь.
Mór báis mor baile	Велика смерть, велико безумие
Mór coll ceille mor mire	Велика утрата рассудка и ума
Olais airchenn teicht do écaib	Ибо ясен путь к смерти
Beith fo étoil maim maire.	Пусть не радуется это Сына Марии.

Кодекс, как принято считать, был либо составлен в Санкт-Галленском монастыре одним из многочисленных ирландских эмигрантов, либо — ему принадлежит вторичная «обработка» рукописи: глоссирование и, возможно, добавление приведенного выше стиха. Как полагал еще Ф. Схрифнер, этот текст отражает разочарование паломника, вернувшегося из Рима (Schrivener 1894: 180). То есть, стихи имеют обобщающий характер и одновременно в них 2 sg. = 1 sg. Существуют, однако, и другие точки зрения.

В издании (Stokes and Strachan 1903) дается ссылка (не совсем прозрачная) на профессора Бернара (?), который предлагал видеть в этих строках намек на рассказ, содержащийся в маргинальных глоссах в Житии св. Бригиты из «Книги Лисмора». Там действительно рассказывается о том, как Бригита послала в Рим семерых клириков, чтобы они заучили наизусть и привезли в Килдар чин освящения храма от «Петра и Павла». Те же по дороге позабыли весь текст чина, на что Бригита сказала:

² Сказанное справедливо и для элегической поэзии, в которой восхваляемый умерший обычно стоит в 3-м лице.

Ni mór uar tarba, cid mór for saethar (Stokes 1890: 335) — Не велика от вас польза, хоть и велик ваш труд.

См. выше — несомненные текстологические совпадения!

Мне все же не кажется, что на уровне эксплицитного осмысления автор маргинального стиха действительно отсылал читателя к указанному эпизоду. Скорее, как можно предположить, слова «велик труд — мала польза» носят proverbialный характер и текстуальное совпадение с житием здесь оказывается мнимым. Интересно другое: исследователи стараются сделать стихотворение прецедентным, как бы лишая средневекового переписчика и способности, и стремления к абстрактной интроспекции. Отсылка к эпизоду из жития Бригиты не лишает строфу ее обобщающего смысла (особенно это относится к 2 и 3 строкам), но делает мотивированным само ее написание.

Обратимся к другим примерам. В рук. Brussels 5100–4:

<i>Cid becc – med frighed – do locht,</i>	Пусть мала – как личинка – твоя вина,
<i>Airighe for nech do chéin:</i>	Ты замечаешь это от всех вокруг.
<i>cid méidither sliab do locht,</i>	Пусть вина твоя размером с гору,
<i>nocha n-airighe fort féin.</i>	Никто не видит ее, кроме тебя.

(Meyer 1897)

Источник текста — поздняя рукопись начала XVII в., составленная Майклом О’Клери и переписанная с собрания 1533 г. компилятора Шодраха О’Маэль Конари. Она содержит в основном поэтические мартирологи, но также — собрания анонимных стихов. Судя по языку, строфа датируется средне-ирландским периодом, но о ее изначальном бытовании мы ничего не знаем. В контексте приведенных выше рассуждений уже невольно начинаешь ждать от текста: 1. Прецедентности и 2. Источника, которым могла бы быть Ветхо- или Новозаветная традиция, например, евангельская притча о бревне и соломинке (обратим внимание на то, что в своих проповедях и притчах, их иллюстрирующих, Иисус, как правило, как раз использует 2-е лицо, имеющее одновременно и обобщающий смысл, и адресацию каждому из слушающих Его).

Делать выводы об авторстве писца здесь кажется преждевременным, причем само понятие авторства, естественно, должно пониматься с учетом специфики времени и функционирования текста.

В рук. Н.3.18, содержащей в основном правовые трактаты, бедно иллюминированной и датируемой примерно XIV в. на листе 478 на нижнем поле содержится текст, несомненно,

написанный (записанный? сочиненный?) тем же писцом, которому принадлежит и текст трактата в целом, строфа записана в одну строку:

Uch a lám,	Ах. Рука,
Ar'scribis do memrum bán!	Писала ты на белом пергаменте!
Béra in memrum fá buaid	Ты дашь пергаменту славу,
Is bethair-si ad benn lom cuail cnám.	А от тебя останется лишь белая кость.

(Meyer 1899).

В данном случае 2-е лицо оказывается как бы лишь формальным, т. к. писец обращается (предположительно) к своей руке, то есть метонимически — к самому себе. Строфа носит бесспорно интроспективно-элегический характер, причем источник и прецедент, как кажется, не обязательны. Почему? Видимо, потому что семантически строфа написана от 1-го лица, за которым стоит гораздо более давняя и разработанная эгоцентрически-интроспективная традиция.

Как писал в частном письме Н. В. Брагинской В. Н. Топоров, «Сам переход от Я, исходно связанного со словом, речью о самом себе, к Я, говорящему не только с Ты (диалог), но и об этом Ты уже как об Он, как и вообще переход от перволичного описания к третьеличному, событие огромного значения» (Брагинская 2018: 25)³. Таким образом, речь, адресованная ко 2-му лицу, здесь предстает промежуточной стадией, следующим шагом должно стать «полное отделение субъекта от объекта» (Фрейденберг 2018: 56). Но, как мы видим, интроспекция, включающая в себя и обобщение (ты = оно), может представлять собой не только стадию в развитии поэтики, но и альтернативный путь.

В качестве предварительных выводов, а также — возможностей дальнейшей интерпретации отмеченного феномена следует назвать (кроме очевидного: расширение материала и поиск новых примеров):

1. Последовательная негативная оценка ситуации в приведенных примерах (а также — в не приведенных). Если наслаждаться пением птиц или даже надеяться на то, что драккар разобьется о прибрежные скалы, писец готов в одиночку, то для размышлений о тяготах поста или о бренности жизни ему оказывается необходим собеседник, которым может быть

³ Сказанное (написанное) оказывается в известном противоречии с идеей В. Н. Топорова о том, что и.-е. Я этимологически возводится к Он с демонстративом (Топоров 1993).

одновременно и он сам, и воображаемый слушатель. Но не приписываем ли мы при такой интерпретации смысл и функции роденовского «Мыслителя» неолитическим фигуркам, отличающимся, на наш взгляд, не меньшей выразительностью?

2. В трактовке «послания» стиха следует постоянно помнить о том, что согласно монастырской традиции, причем — выраженной достаточно эксплицитно, воспроизводимые строки должны были не только иметь автора, но и быть «привязаны» к некоему событию. В дополнение к уже приведенным выше примерам дадим еще один:

Строфа, содержание которой состоит в заявлении «среди старших я разумнее всех, среди молодых — моложе их самих» (см. Murphy 1956: 32), входит в число обильных глосс к «Мартирологу» Энгуса (ок. IX–X в.). Составленные примерно на сто лет позднее, они должны были посредством прозаических пояснений прояснять и более подробно иллюстрировать заслуги того или иного святого. Часты в них были и поэтические вкрапления, естественно, в той или иной форме привязанные к жизни святого. Процитированная строфа была вложена анонимным глоссатором в уста св. Молинга (сер. VII в.) и призвана проиллюстрировать его мудрость. Во втором издании «Мартиролога» В. Стоукс отмечает сходство среднеирландского стиха с одной из элегий Феогида (см. Stokes 1905: 151)⁴. В любом случае, судя по отдельным глагольным формам, текст стиха не мог возникнуть ранее X в., однако глоссатора это не смущает. Более того, каков бы ни был истинный источник приведенной «мудрой сентенции», она должна была получить автора, причем — авторитетного на локальном уровне.

Однако, сказанное является правилом для фиксаций «второго уровня», т. е. — цитирований (или псевдо-цитирований). Собственно маргинальная лирика, никак не связанная с переписываемым текстом, существует вне этих правил и поэтому в авторстве как бы и не нуждается. Причем сказанное относится как к образцами чисто лирическим (где автором является 1 sg. переписчика), так и к стихам с квантором

---

⁴ Предположительно, ирландский клирик мог быть знаком с греческими стихами Феогида (VI в. до н. э.) по поздним латинским переложениям. Отсылка к Феогиду невольно вызывает в памяти постоянного адресата его элегий — Кирна, юноши, которого, якобы, тот поучает. Иными словами, предстает еще одна возможная трактовка 2 sg. и в ирландской монастырской лирике.

всеобщности. Например — строфа, расположенная на нижнем поле листа 223 рук. *Lebor Brecc* (XV в.):

Mór in bét! Immad sliged ocus sét
 Dar lebaid na sruthi soer, tar nar'chóir acht óen do chét.
 (Meyer 1899: 225).

Велика печаль! Велико число дорог и путей
 Вдоль берегов свободных рек, но верен лишь один из ста.

Оба вывода имеют предварительный характер и требуют дальнейшей работы, как в области анализа других образцов древнеирландской лирики, так и в области типологических параллелей.

Литература

- Braginskaya, N. V. 2018: [Demonstration, Calatlogue, Simile, Ekphrasis: O. M. Freidenberg on the Origin of Literary Descripton]. In: *Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogy i perspektivy izucheniya* [Theory and History of Erhphrasis's studies: Results and Perspectives], Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 13–27.
- Брагинская Н. В. 2018: Показ, каталог, сравнение, экфразы: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания. *Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения*. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 13–27.
- Ford, P. 1999: Blackbirds, Cuckoos and Infixed Pronouns: Another Context for Early Irish Nature Poetry. In: *Celtic Connections*, Tukwell Press, 162–170.
- Freidenberg, O. M. 2018: [Genesis of literary description]. In: *Teorija i istorija ekfrasisa: itogy i perspektivy izucheniya* [Theory and History of Erhphrasis's studies: Results and Perspectives], Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 28–76.
- Фрейденберг, О. М. 2018: Происхождение литературного описания. В сб.: *Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения*. Siedlce, 28–76.
- Kovtunova, I. I. 2006: [Category of person in poetic language] In: Krasilnikova E. V. (ed.). *Poeticheskaya grammatika* [Poetic Grammar]. Moscow: Azbukovnik, 7–72.
- Ковтунова, И. И. 2006: Категория лица в языке поэзии. В сб.: Красильникова Е. В. (отв. ред.). *Поэтическая грамматика*. М.: Издательский центр «Азбуковник», 7–72.
- Lotman, Yu. M. 1996: [Essays on Tutchев's poetics]. In: Lotman Y. M. *O poetah i poezii* [On Poets and Poetry], St. Petersburg: Iskusstvo.
- Лотман, Ю. М. 1996: Заметки по поэтике Тютчева. В кн.: Лотман Ю. М. *О поэтах и поэзии*, СПб.: Искусство.
- Melia, D. A. 1990: Poetic Klein Bottle. In: Matonis A. T. E., Melia D. F. (eds.). *Celtic Language, Celtic Culture. A Festschrift for Eric P. Hamp*. California, 187–198.
- Melia, D. A. 2005: On the Form and Function of the 'Old Irish verse' in the Thesaurus Palaeohibernicus; How Patrick Ford Opened my Eyes to

- an Important Aspect of Early Irish Poetry and Some Conclusions that I have Come as a Result. In: *Heroic Poets and Poetic Heroes in Celtic Traditions. Studies in Honor of Patrick K. Ford. CSANA Yearbook*, 3–4, Dublin: Four Courts Press, 284–290.
- Meyer, K. (ed.) 1899: Irish Quatrains. *ZCP*, II, 225.
- Meyer, K. (ed.) 1897: Irish Quatrains. *ZCP*, I, 327.
- Murphy, G. (ed.) 1956: *Early Irish Lyrics*. Oxford.
- Ó Corráin, D. 1989: Early Irish Hermit Poetry? In: *Sages, Saints, and Storytellers*. Maynooth, an Sagart, 251–267.
- Ó Néill, P. 2000: Irish Observance of the Three Lents and the Date of the St Gall Priscian (MS 904). *Ériu*, 51.
- Russell, P. 2014: *In aliis libris: Adaptation, Re-working and Transmission in the Commentaries to Amra Choluim Chille*. In: E. Boyle and D. Hayden (eds.) *Authorities and Adaptations: The Reworking and Transmission of Textual Sources in Medieval Ireland*. Dundalk: Dundalgan Press Ltd, 63–94.
- Scrivener, F. H.A. 1894: *A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament*, London: George Bell & Sons.
- Stokes, W. (ed.) 1890: *Lives of Saints from the Book of Lismore*. Oxford: At the Clarendon Press.
- Stokes, W. (ed.) 1899: The Bodlean Amra Choluimb Cille. *Revue celtique*, 20.
- Stokes, W. and Strachan, J. 1903: *Thesaurus Palaeohibernicus. A Collection of Old Irish Glosses, Scholia, Prose and Verse*, Vol. II, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stokes, W. (ed.) 1905: *Féilire Óenguso Céili Dé. The Martyrology of Oengus the Culdee. Critical edition*. London: Mount Salus Press.
- Toporov, V. N. 1993: [From Indo-European reconstructions IV (1): *eg'h-om (*He-g'h-om): *men. 1 Sg. Pron. pers.]. In: *Etymologiya 1988–1990 [Etymology 1988–1990]*. Moscow: Nauka, 128–153.
- Топоров В. Н. 1993: Из индоевропейской этимологии IV (1). И.-е. *eg'h-om (*He-g'h-om): *men. 1 Sg. Pron. pers. *Этимология 1988–1990*. М.: Наука, 128–153.
- Toporov, V. N. 1998: *Sviatost' i sviatye v russkij duhovnoj culture. Tom II. Tri veka hristianstva na Rusi (XII– XIV vv.)* [Holiness and Holy Persons in Russian Culture. Volume II. Three centuries of Russian Christianity (XII–XIV)], Moscow: Yazyki russkoj kultury.
- Топоров, В. Н. 1998: *Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.)*. М., Школа «Языки русской культуры».